

Военные факторы колонизации Сибири XVII века как объект специального изучения

Николай Никитин

Военная история Сибири XVII в. стала самостоятельной исследовательской темой сравнительно недавно. Дореволюционные историки в большинстве своём хотя и рассматривали присоединение Сибири как «завоевание сей земли российским оружием», но главное внимание уделяли событийно-политической стороне колонизации и обычно не углублялись в проблемы собственно военной истории, оставляя за рамками своих исследований широкий круг вопросов – от численности и состава сибирского войска до особенностей его вооружения и тактики. До 1917 г., правда, вышло несколько работ офицеров и чиновников, взявших на себя труд написать историю казачьих войск Сибири, уходящую корнями в XVII столетие¹. У этих авторов чисто военная сторона колонизационных процессов на севере Азии, конечно, находила более полное освещение, чем у «гражданских» историков, встречались интересные наблюдения и верные оценки. Однако, поскольку уровень научной подготовки «казачьих» историков заставлял желать лучшего, и основное внимание они сосредотачивали на поздних хронологических периодах, эти работы не оказали заметного влияния на изучение истории Сибири XVII в. Без должного внимания остались и вполне справедливые (хотя и слишком общие) оценки значения военного фактора в освоении Сибири, дававшиеся некоторыми дореволюционными исследователями проблем русской колонизации. Один из таких исследователей Г. Гинс в 1912 г. отметил, что «в сущности русская колонизационная деятельность... шла путём именно военной колонизации. Первыми засельщиками и представителями русской культуры были военные гарнизоны и военные поселения»².

Первый этап советской историографии Сибири обычно связывают с именем С.В. Бахрушина. Выдающийся учёный, обладавший глубокими и разносторонними знаниями и ярким исследовательским талантом, специально военной историей Сибири не занимался (а лишь планировал такие исследования³), но поскольку его труды обычно носили комплексный характер, военная сторона колонизационного процесса также находила в них вполне адекватное отражение. Особенно ценной в этом отношении представляется его монография «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.». В ней довольно подроб-

© 2014 г. Н.И. Никитин

¹ Манькин-Невструев А. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки: (Очерк). М., 1883; Катанев Г.Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Вып. 1. СПб., 1908; он же. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908; Васильев А.П. Забайкальские казаки. Т. 1. Чита, 1916.

² Цит. по: Колесников А.Д. С.В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 170.

³ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 9, 16.

но описывается военная колонизация края и жизнь красноярского гарнизона, детально показаны суровые «фронтовые» будни южносибирской окраины в XVII в.⁴

Подобная разносторонность в исследованиях была, однако, не характерна для большинства исследователей, активно проявивших себя на следующем этапе развития советского сибиреведения, начавшемся с середины 1940-х гг. и характеризовавшемся почти исключительным вниманием к крестьянской земледельческой колонизации. Одновременно в историографии стал активно утверждаться (и к 1970-м гг. утвердился) тезис о преимущественно мирном характере присоединения Сибири к России, и хотя он полной поддержки у историков не получил⁵, военная тематика если ещё и находила место в сибиреведении, то с большим трудом.

Вдохновитель и основатель этого нового направления В.И. Шунков упрекал своего учителя С.В. Бахрушина в том, что страницы многих его работ «перенасыщены сообщениями о военных эпизодах, военных кампаниях, движениях экспедиционных корпусов, жестоких сражениях, длительных осадах крепостей», и объяснял это некритическим отношением к «сообщениям источников», которые якобы были Бахрушиным восприняты «в духе буржуазно-дворянской теории завоевания»⁶.

Обвиняя историков «старой школы» в «некритическом отношении к источникам», Шунков и его сторонники обычно высказывались в том плане, что казаки в своих «отписках» преувеличивали («раздували») частоту и степень ожесточённости сражений с аборигенами «с целью получения награды за боевые заслуги» (но убедительных примеров разоблачения кем-либо такой «лжи» не приводили), что русские экспедиционные отряды были слишком малочисленными, чтобы представлять серьёзную угрозу для аборигенов (но при этом, видимо, упускали из виду, что и противник русских в Сибири, по сравнению с Европейской Россией, не был многочисленным)⁷. Под влиянием таких установок с середины 1950-х до середины 1980-х гг. в литературе (особенно популярной и учебной) возобладала благостная, но далёкая от исторической реальности картина освоения Сибири, оставлявшая на долю русских первопроходцев и первопоселенцев лишь трудности «туристического» порядка, обусловленные суровостью природы Северной Азии.

Недооценка (и даже игнорирование) военных факторов в присоединении Сибири имела своим закономерным следствием недооценку деятельности и весьма предвзятое отношение историков «школы Шункова» к военно-служилым людям, «самый многочисленный и наиболее деятельный класс» которых – казаки, по выражению глубокого знатока сибирских архивных материалов Н.Н. Оглоблина, вынес «на своих плечах всё дело завоевания Сибири и утверждения в ней русской власти»⁸.

⁴ Там же. Т. 4. М., 1959. С. 12–80.

⁵ См.: Никитин Н.И. История Сибири в трудах С.В. Бахрушина // Проблемы социально-экономической истории феодальной России (К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР С.В. Бахрушина). М., 1984. С. 42–43; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 31.

⁶ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 9.

⁷ Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 350. См. также редакционное примечание к работе С.В. Бахрушина о енисейских киргизах: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 215.

⁸ Оглоблин Н.Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа. Ч. 3. М., 1900. С. 104.

Отстаивая тезис о главенствующей роли крестьянской колонизации Сибири даже на ранних стадиях этого процесса (когда среди русского населения за Уралом преобладали военно-служилые люди), исследователи вопреки очевидным (и порой содержащимся в их собственных работах) фактам умаляли значение деятельности казачества в освоении сибирских земель и противопоставляли его крестьянам – «непосредственным производителям материальных благ феодального общества»⁹. Суть этой позиции кратко сформулировал В.Н. Шерстобоев: «Истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а пашенные крестьяне». Эти слова в 1950-х гг. любили повторять многие исследователи¹⁰.

Правда, поскольку в те же годы большое внимание уделялось истории русских географических открытий на севере Азии, в некоторых работах 1950-х гг. можно было встретить словно случайно оброненные авторами фразы с положительными оценками роли служилых людей в присоединении Сибири. Так, В.Н. Скалон в книге, посвящённой многосторонней деятельности русских землепроходцев по исследованию сибирских земель, отметил, что «движущей силой, истинным исполнителем всех русских предприятий в Сибири, был “служилый человек”»¹¹. Но замечания такого рода не получили развития в историографии, оставаясь как бы незамеченными в кругу сибиреведов.

Справедливости ради следует признать, что и приверженцы «шунковского» направления нередко вводили в научный оборот весьма ценный и репрезентативный материал о сибирском казачестве, относящийся не только к его земледельческим занятиям, но и к служебным функциям и общему положению отдельных гарнизонов. И «особо почётное» место в этом ряду, как ни парадоксально, надо отвести самому убеждённому стороннику превосходства крестьянской колонизации над служилой В.Н. Шерстобоеву, создавшему на базе архивных материалов воистину капитальный труд по истории Илимского края. Попутно он дал столь обстоятельное описание состояния дел в гарнизоне Илимска за весь изучаемый им период, что этому «шунковцу» могут позавидовать многие из историков, специально изучавших казачество Сибири и придерживавшихся иных взглядов на роль различных социальных сил в её исторических судьбах¹².

В 1960-х гг. в изучении служилого населения Сибири стали происходить и качественные изменения. Дело в том, что в это время отношение исследователей к этой категории населения стало вполне «нейтральным». Усилиями нового поколения историков в научный оборот было введено немало источников, свидетельствующих о том, сколь значительную роль играл «служилый элемент» в жизни Сибири XVII в., хотя материал этот далеко не всегда находил отражение в общих выводах их работ.

Военная составляющая колонизационного процесса получила объективное и довольно полное освещение в монографиях В.А. Александрова, одна из ко-

⁹ См.: *Бояришинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Т. 112. Томск, 1950. С. 136, 189; *Флёров В.С.* Восстания 30–40-х годов XVII века в Томске // Учёные записки Томского педагогического института. Т. 12. Томск, 1954. С. 291; *Одинцова М.К.* К вопросу о заселении русскими Сибири в XVII в. // Труды Иркутского государственного университета. Т. 10. Иркутск, 1954. С. 199–200; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 865–866.

¹⁰ См., например: *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951. С. 71.

¹¹ *Скалон В.Н.* Русские землепроходцы – исследователи Сибири XVII в. М., 1952. С. 11.

¹² *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т. 1–2. Иркутск, 1949–1957.

торых была посвящена Енисейскому краю (став, по сути дела, продолжением упомянутого выше исследования С.В. Бахрушина о Красноярском уезде), а другая – Дальнему Востоку (с широким использованием новых материалов о борьбе России за Приамурье в XVII в.)¹³. А работа А.А. Кондрашенкова давала достаточно полное представление о военно-политической ситуации в тот же период на южных рубежах Западной Сибири, показывая, как служилые люди защищали их от постоянных набегов кочевников¹⁴.

Но в 1960-х гг. историки всё чаще вводили в научный оборот материалы о непосредственном и довольно весомом вкладе казаков Сибири и в хозяйственное освоение ряда её регионов¹⁵, и материалы эти уже никак нельзя было не заметить. Это нашло отражение в корректировке В.И. Шунковым и его последователями своих позиций: при своей трактовке вопроса о вкладе различных социальных групп в освоение Сибири они стали, по сути дела, отождествлять занимавшихся земледелием служилых людей с крестьянами, называя казаков «вооружённым крестьянским населением», игнорируя таким образом их словесный статус¹⁶.

1970-е гг. были отмечены успехами в изучении истории сибирского города, важными и для разработки проблем военной истории. Так, фортификационным сооружениям Сибири XVII в. посвятил весьма содержательную работу С.Н. Баландин¹⁷. А в книге В.И. Кочедамова о первых русских городах за Уралом помимо чисто архитектурных вопросов рассматривались многие аспекты освоения Сибири, в том числе роль в нём военно-служилых людей. Кочедамов назвал их «главной силой в освоении восточных земель», но, видимо, отдавая дань господствующей в историографии концепции В.И. Шункова, посчитал нужным принизить роль казаков и добавил, что «закрепление результатов оставалось за землепашцами, пришедшими туда на всю жизнь»¹⁸. Однако ответ на вопрос, почему таковыми нельзя было считать не только крестьян, но и занимавшихся хлебопашеством служилых людей, остался без пояснений.

Закономерным шагом в развитии сибиреведения стало появление монографических исследований, специально посвящённых служилому населению Сибири XVII в. Первыми из них стали кандидатские диссертации Г.А. Леонтьевой и автора этих строк¹⁹. Мы оба были учениками выдающегося, но, к сожалению,

¹³ Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 33–58; *он же*. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 101–203.

¹⁴ Кондрашенков А.А. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв. // Учёные записки Курганского педагогического института. Вып. 6. Курган, 1964.

¹⁵ См.: Колесников А.Д. Из истории Среднего Прииртышья // Известия Омского отдела Географического общества СССР. Вып. 5(12). 1963. С. 137–151; Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. (Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда). Новосибирск, 1965; Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

¹⁶ Латин Н.А. Слобода Царёво городище в XVII столетии // Учёные записки Курганского педагогического института. Вып. 4. Курган, 1962. С. 14, 16; Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 14, 16; История СССР с древнейших времён до наших дней. Т. 2. М., 1966. С. 348.

¹⁷ Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 7–37.

¹⁸ Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 34.

¹⁹ Леонтьева Г.А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; Никитин Н.И. Военно-служилые люди Западной Сибири XVII в. (Из истории классово-сословного строя позднефеодальной России). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

ныне мало известного в широких научных кругах историка, великолепного знатока архивных материалов Н.Б. Голиковой, которая ещё в наши студенческие годы ориентировала нас на исправление явно обозначившихся тогда перекосов в сибирской историографии. И главной задачей, вставшей перед нами, была не собственно военная история Сибири, а хозяйственные занятия её служилого населения, свидетельствующие о неправомерности противопоставления сибирских казаков посадским людям и крестьянам и показывавшие, что деятельность всех этих слоёв населения развивалась в одном русле, будучи направленной на закрепление за Россией сибирских земель и их освоение. Учитывая же все стороны деятельности казачества Сибири XVII в. (включая военную), а также его долю в общей массе русского населения края, нельзя было не прийти к выводу о том, что на раннем этапе колонизации самой заметной и значимой фигурой в Сибири являлся не крестьянин, а служилый человек. Будучи позднее изложенной в специальной статье²⁰, эта точка зрения вызвала у наших коллег неоднозначную реакцию.

Однако в 1970-х и в начале 1980-х гг. близкие взгляды на роль служилых людей в присоединении Сибири были присущи уже многим исследователям, и их трудно было игнорировать. Так, А.А. Люцидарская в одной из своих статей пришла к вполне обоснованному выводу, что «именно служилому сословию принадлежала заслуга превращения Томска в торгово-промышленный центр»²¹. Аналогичная статья В.Н. Курилова однозначно свидетельствовала о «ведущей роли» служилых людей «в развитии Тюмени как торгово-промышленного центра»²². Якутский историк Ф.Г. Сафронов в монографии, посвящённой большому комплексу вопросов об освоении русскими людьми северо-востока Азии, пришёл к выводам, противоречащим мнению классика сибиреведения С.В. Бахрушина, отводившего главную роль в освоении этого региона в XVII в. промысловикам («промышленникам») и торговцам. «Слов нет, промышленники действительно сыграли большую роль в присоединении северо-востока Азии к России, однако главная роль в этом деле всегда принадлежала служилым людям, действовавшим по указанию и от имени властей», – писал Ф.Г. Сафронов. Он обратил, в частности, особое внимание на то, какое значение для народов Якутии имели построенные казаками опорные пункты – зимовья, острожки и остроги: «Это были вновь зародившиеся официальные центры, источники власти – нового социального явления, ещё не понятного туземцам. Эти центры, появившиеся повсюду, внедряли начало государственности. И тут выявляется новая роль русского казачества как ускорителя общественного развития народов, находившихся на стадии разложения первобытнообщинных отношений». Именно казаки, пишет далее Сафронов, в ходе своих служебных поездок проложили многочисленные пути по всему северо-востоку Азии, в результате чего «впервые возникла регулярная связь между близкими и отдалёнными частями региона». «Таким образом, – заключает исследователь, – роль казачества в освоении северо-

²⁰ Никитин Н.И. Военнослужилые люди и освоение Сибири в XVII веке // История СССР. 1980. № 2. С. 172–173.

²¹ Люцидарская А.А. К вопросу о роли служилого населения в развитии г. Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 2. Новосибирск, 1972. С. 14.

²² Курилов В.Н. Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 86.

востока Азии была значительной, особенно в XVII–XVIII вв., в самое трудное время»²³.

В 1983 г. вышла монография О.И. Сергеева о казаках Дальнего Востока, в которой подчёркивалось, что в XVII–XIX вв. они «сыграли прогрессивную роль в открытии новых земель, их заселении, хозяйственном освоении и обороне»²⁴. К сожалению, небольшой объём книги (9 п.л.) при таком хронологическом охвате не позволил её автору подкрепить ряд важных и, безусловно, верных положений своей работы применительно к XVII в. достаточным количеством конкретно-исторического материала. Гораздо благополучнее в этом плане обстояло дело в монографии Н.Ф. Емельянова о населении Среднего Приобья, в которой был сделан вывод о большом значении деятельности служилых людей в освоении этого региона в конце XVI – первой половине XIX в.²⁵

Подобные мнения поначалу были встречены большинством наших коллег довольно прохладно. Они соглашались считать роль служилого населения в освоении Сибири XVII в. «заметной»²⁶, но никак не ведущей. Главные возражения наших оппонентов сводились к тому, что поскольку происхождение сибирских служилых людей «в значительной части» было крестьянским, то служилую колонизацию «надо считать одной из форм крестьянской колонизации», а говорить о ведущей роли служилых людей в «торгах и промыслах» сибирского города неправомерно, поскольку, даже несмотря на численное преобладание служилых в этой сфере, их торгово-промышленная деятельность «не имела исторической перспективы»²⁷.

В ответ мне пришлось обратить внимание своих оппонентов на то обстоятельство, что в условиях абсолютного численного преобладания в стране крестьянского населения самые различные социальные группы в России XVI–XVIII вв. были преимущественно выходцами из крестьян, однако это не повод не считать деятельность служилого населения особой струёй в колонизации Сибири. В литературе, например, давно получило распространение понятие «промысловая колонизация», хотя сибирские промышленники тоже в основном являлись выходцами из крестьян²⁸.

Нельзя было согласиться и с умалением роли казачества в экономическом развитии сибирского города на том основании, что она «не имела исторической перспективы». Признавая допустимость и даже желательность подхода к историческим событиям и явлениям с учётом этой самой «перспективы», я высказался против его абсолютизации, отметив, что было бы, например, странно считать деятельность посадских людей в экономической жизни города ведущей, «если их там насчитывались единицы с весьма скромными “капиталами”»,

²³ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 85, 87, 99.

²⁴ Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М., 1983. С. 5.

²⁵ Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Ч. 1. Томск, 1980. С. 113. Ч. 2. Томск, 1982. С. 98–100. Подробнее см.: Никитин Н.И., Преображенский А.А. Рецензия на книгу Н.Ф. Емельянова «Население Среднего Приобья в феодальную эпоху» // История СССР. 1983. № 4. С. 157–159.

²⁶ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 131.

²⁷ Миненко Н.А. Новейшая советская историография о заселении Сибири русскими в эпоху феодализма // Вопросы истории. 1984. № 7. С. 116; Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. С. 5, 17.

²⁸ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 14–15.

лишь на том основании, что “торги и промыслы” нескольких десятков проживавших там же служилых людей даже при значительном размахе не имели “исторической перспективы”»²⁹.

Странность ситуации с предметом данного спора заключалась в том, что мнению о ведущей роли казачества в колонизации Сибири XVII в. оппонировали прежде всего авторы капитальных работ по истории сибирского казачества XVIII – начала XIX в. Н.А. Миненко и А.Р. Ивонин, которые показали вклад служилого населения в освоение восточных окраин страны весьма наглядно – на большом документальном материале и с экскурсами в XVII столетие. В частности, Н.А. Миненко пришла к заключению, что освоение Обского Севера (Сургутского и Берёзовского уездов) «в XVII – начальные годы XVIII в. осуществляло казачество», поскольку «там... где в силу природных условий не могла проявляться крестьянская колонизация, они (казаки. – *Н.Н.*) и в XVIII в. оставались одной из основных групп русского населения», сохранили «свою доминирующую роль даже к середине XIX в.», и что вообще «о характере, размерах и результатах колонизации Сибири... нельзя судить без анализа социально-экономического положения служилого сословия края»³⁰.

Развёрнутой дискуссии по этим вопросам, однако, не получилось. Вскоре положение о доминирующей роли служилых людей в присоединении и освоении Сибири в XVII в. стало фактически общепризнанным в силу как своей очевидности, так и деидеологизации на государственном уровне подхода к вопросу о роли различных социальных сил в колонизации окраин России³¹. Вместе с тем к концу 1980-х гг. сложилась довольно нелепая ситуация: земледелие, «торги и промыслы» являлись для казачества не главным, а побочным видом деятельности, а кроме того, как показали специальные исследования, в неё была вовлечена меньшая часть «личного состава» гарнизонов Сибири³², однако именно хозяйственные занятия сибирских служилых людей получали наиболее полное освещение в научной литературе, в то время как профессиональная сторона их деятельности оставалась по сути дела в тени. Но с этого же времени положение стало понемногу выправляться – идеологический пресс ослаб, в чем я смог убедиться на личном опыте. Мне удалось включить в научно-популярную книгу об освоении Сибири в XVII в., принятую издательством «Наука», довольно много материала о военных факторах колонизации и даже дать в приложении подборку документов по военной истории Сибири³³ (правда, до полной «свободы творчества» было всё же далеко: в частности, в помещённой на обложке книги репродукции с гравюры XVII в. пришлось, по настоянию редакции, заменить большую часть могильных крестов ёлочками).

²⁹ Никитин Н.И. К вопросу о социальной природе приборного войска // История СССР. 1990. № 2. С. 51.

³⁰ Миненко Н.А. Городовые казаки Обского Севера в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 336–349; она же. Русское население Нижнего Приобья в XVIII – первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный строй) // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 259; она же. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. (Историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975. С. 300.

³¹ См.: Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М., 1994. С. 156; Чернавская В.Н. «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII века: Историко-историографические очерки. Владивосток, 2003. С. 30.

³² См.: Никитин Н.И. К вопросу о социальной природе... С. 50–55.

³³ Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 163–168.

В 1990-х гг. сошли на нет последние идеологические ограничения и появилась реальная возможность разрабатывать историю военной колонизации Сибири так же подробно, как и историю её хозяйственного освоения. В 2002 г., сравнивая «старую» и «новую» ситуацию в сибиреведении, известный новосибирский историк Д.Я. Резун писал: «В советское время господствующей точкой зрения стало мнение, что присоединение Сибири в 17 в. – это сложный исторический процесс, в котором сочетались как элементы военного завоевания, так и моменты добровольного присоединения отдельных сибирских аборигенных народов в состав Российского государства. При этом основное внимание исследователей уделялось крестьянской колонизации, а не служилой, для которой главной как раз и была военная сторона процесса. Поэтому и работ, в которых бы освещались походы и сражения служилых людей с “немирными иноземцами”, было очень мало. Определённую роль играл и идеологический прессинг со стороны властей, которые боялись, что подобными исследованиями подорвётся “вечная дружба народов”. Сегодня, когда идеологический фактор несколько спал, можно более спокойно посмотреть на эту сторону колонизации Сибири»³⁴.

Показателем серьёзных сдвигов в концептуальных подходах к проблемам обычно являются коллективные труды, и в нашем случае «ветер перемен» отразился на них быстро и самым непосредственным образом. Например, в первом томе «Истории Курганской области» уже во введении был брошен упрёк (не вполне, правда, справедливый) А.А. Кондрашенкову за его мнение о преимущественно мирном характере заселения Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. В главе «Заселение Южного Зауралья в XVII–XVIII вв.», написанной В.В. Меншиковым, упрёк брошен уже всей нашей историографии – за «отсутствие специальных работ, посвящённых изучению характера вооружённых столкновений между русскими и коренным населением», что, по мнению автора главы, «объективно создаёт иллюзию бесконфликтности присоединения Сибири». По мнению Меншикова, «данный тезис если и верен в отношении всего сибирского субконтинента, то для отдельных регионов он требует существенной корректировки»³⁵.

Ещё более суров в общих оценках предыдущего периода историографии оказался Ю.А. Огурцов. По его мнению, «преимущественное внимание к русской крестьянской колонизации привело к известному перекосу в отечественной историографии в сторону бесконфликтности “присоединения” Сибири к России... Робкие попытки Н.И. Никитина реабилитировать сибирских служилых людей привели к тому, что Н.А. Миненко вообще отказала им в праве на существование, сблизив их с крестьянами, лишь на том основании, что некоторая часть служилых людей вышла из крестьянства... Русским крестьянам никогда бы не удалось распахать пашни в плодородных степных и лесостепных районах Южной Сибири без поддержки армии и государства»³⁶. В последнем утверждении автор, безусловно, прав, но если охарактеризовать его подход к историографии проблемы в целом, то здесь явно имеет место её упрощённая, утрированная трактовка, пусть и при абсолютно верных посылах.

³⁴ Резун Д.Я. Люди на сибирском фронтире в 17 в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 19.

³⁵ История Курганской области (с древнейших времён до 1861 года). Т. 1. Курган, 1995. С. 14, 104.

³⁶ Огурцов А.Ю. Русская экспансия в Южной Сибири (постановка вопроса) // Кузнецкая старина. Вып. 2. Новокузнецк, 1994. С. 3–15.

Подтверждением тому явился выход в 1995 г. трехтомного коллективного труда «История казачества Азиатской России». Первый том (ответственным редактором которого являлась Н.А. Миненко) был посвящён периоду с XVI по первую половину XIX в. В нём обобщались наработки нескольких поколений историков по «казачьей» тематике, включая материалы ряда конференций по истории казачества Сибири, ставших регулярными с 1990-х гг. В томе охвачен широкий круг проблем, касающихся не только формирования, внутренней организации, сословноправового статуса, состава, государственного обеспечения, быта и менталитета казаков Сибири, но и ранее практически не изучавшихся вопросов их вооружения и тактических приёмов в XVII в. А в историографическом разделе даётся следующее заключение: «Исследователи выяснили, что после присоединения Сибири к России, в котором казачество сыграло решающую роль, сибирские служилые люди стали по своей численности важнейшей социальной категорией населения. Во многих районах Сибири вплоть до начала XVIII в. они доминировали над остальными социальными группами, в том числе крестьянами. В значительной своей части служилые люди существовали за счёт собственного труда, занимаясь ремёслами, торговлей и земледелием»³⁷.

Из серьёзных научных исследований индивидуального характера, специально посвящённых служилому населению и представляющих новый период сибирской историографии, следует в первую очередь назвать работы Ю.Г. Недбай. Основной темой его научных изысканий являлась история казачества Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в., но он уделял значительное внимание и ранним периодам казачьей истории, показав при этом глубокое знание изучаемого предмета и проявив недюжинный исследовательский талант. Ю.Г. Недбай пришёл к заключению, что «без казаков в эпоху феодальной России колонизация Сибири просто-напросто не могла состояться как событие русской истории»³⁸. «Никакая другая социальная группа в тогдашней России выполнить этих задач не могла. Так называемая вольнонародная крестьянская земледельческая колонизация просто-напросто не началась бы без деятельности казаков»³⁹. Рассматривая с привлечением широкого круга источников и литературы практически весь комплекс вопросов, связанных с историей служилого населения Сибири, Недбай представил свое видение проблем истории казачества – порой весьма оригинальное, но не всегда бесспорное. С ним, например, нельзя не согласиться в том, что многие исследователи сильно сгущали краски, описывая «тяжёлое положение» и «голодное существование» казаков⁴⁰. Но его трактовка места в социальной структуре русского общества, которое в XVII в. занимало казачество в целом и служилое население Сибири в частности, никак не опровергает утвердившееся в литературе мнение о «промежуточном» по отношению к феодалам и народным массам положении приборных служилых людей⁴¹.

³⁷ История казачества Азиатской России. В трех томах. Т. 1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1995. С. 18, 62–67.

³⁸ Недбай Ю.Г. Казачество Западной Сибири в первой четверти XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1993. С. 17.

³⁹ Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири. 1582–1808. (Краткие очерки). Ч. 2. Омск, 1996. С. 164.

⁴⁰ Недбай Ю.Г. Казачество Западной Сибири в первой четверти XVIII века. С. 17.

⁴¹ См.: Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. С. 6, 194–198; он же. К вопросу о социальной природе приборного войска. С. 44–59.

Применительно к восточносибирским регионам, как уже отмечалось, аналогичное исследование выполнила ещё в 1972 г. Г.А. Леонтьева, но в 2012 г. оно было, наконец, издано в виде монографии⁴². В историографии трудно найти пример столь долгого следования фундаментальной и концептуально важной работы к читателю. Выход этой книги в свет можно рассматривать как ещё один факт признания научным сообществом важности военно-служилой проблематики для изучения истории нашей страны и в особенности её восточных окраин. В течение четырех десятилетий, минувших после защиты диссертации, Г.А. Леонтьева дополнила своё исследование новыми материалами, привлекла много новой литературы, изменила структуру работы, увеличив в ней число глав. К сугубо военной истории Сибири относится, правда, сравнительно небольшая часть монографии. Главное внимание автор, как и прежде, уделяет хозяйственным занятиям городского казачества Восточной Сибири – земледелию, ремеслу, промыслам и торговле, стремясь, во-первых, «подробно осветить его вклад в развитие производительных сил региона» и, во-вторых, проследить «складывание тех предпосылок и характеристик, которые будут иметь место в истории сибирского казачества в более позднее время». И если первая из поставленных Г.А. Леонтьевой задач, восходящая к давнему стремлению автора преодолеть «оценку характера присоединения Сибири как её завоевания и одностороннюю трактовку служилых людей как “завоевателей”»⁴³, уже не стоит так остро, как ранее, то вторая задача, связанная с переменами в судьбах казачества Сибири в XVIII–XIX вв., остаётся весьма актуальной. Свою трактовку вопроса о влиянии «служилых людей старых служб» (по терминологии XVIII в.) на судьбы казачества Сибири XVIII–XIX вв. и его становления как сословия Г.А. Леонтьева даёт в заключительном разделе монографии, представляющем собой большую аналитическую статью, в которой обобщена и проанализирована основная литература по казачеству Сибири, вышедшая в последние два десятилетия.

Во главу заключительного раздела своей работы Леонтьева ставит вопрос о том, в какой степени характеристики, свойственные служилым людям XVII в., перешли к казачеству XVIII–XIX вв., насколько они сопоставимы с нововведениями, определявшими его социальный статус. В работе прослеживаются изменения, произошедшие в различных сферах жизни казачества Сибири – в его дислокации и комплектовании, в служебных обязанностях и порядке их исполнения, в государственном обеспечении и в статусе командного состава, в вооружении, хозяйственных занятиях. «Каждый россиянин, пишущий о казаках или читающий о них, испытывает к этим людям чувство глубокого уважения и благодарности за их подвижнический труд и великий вклад в дело освоения новых территорий и защиты русских границ», – пишет Г.А. Леонтьева. Относительно «каждого» – это, конечно, преувеличение. Но в чём можно, безусловно, согласиться с автором, так это в том, что наша российская власть всегда требовала от казачества больше, чем что-то ему предоставляла⁴⁴. С одной лишь поправкой: не только от казачества.

Весомый вклад в изучение военных факторов колонизации Сибири внесён работами Д.Я. Резуна, вышедшими в 1990-х и в начале 2000-х гг. В них воен-

⁴² Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012.

⁴³ Леонтьева Г.А. Служилые люди... С. 7, 621.

⁴⁴ Там же. С. 273, 276.

но-служилому населению, как правило, отводится видное место. Резун много лет занимался составлением именного и биографического словаря сибирских служилых людей и частично опубликовал его в различных изданиях⁴⁵. В работах, посвящённых сопоставлению колонизаций Сибири и Северной Америки, Д.Я. Резун также отвёл значительное место военной истории и особое внимание при этом уделил вопросам тактики сибирских служилых людей и их менталитету⁴⁶.

Д.Я. Резун опубликовал (в том числе в соавторстве) ряд статей, специально посвящённых выходцам из стран Западной Европы, оказавшимся волею судеб на военной службе в Сибири⁴⁷, но на качественно новый уровень эта тема была поднята в кандидатской диссертации (а позднее и монографии) его ученика И.Р. Соколовского. В ней тщательно исследуется широкий комплекс вопросов, относящихся к положению этой категории сибирского населения в XVII в. – от источников формирования до адаптации к новой жизни в Сибири. В порядке сопоставления с русскими войсками Соколовский подробно рассматривает особенности вооружения, военной организации и тактики западноевропейских армий, и прежде всего польской, поставлявшей в Сибирь (как правило через ссылку пленных) основной контингент «служилых иноземцев». Он делает важный вывод о том, что оказавшиеся за Уралом выходцы из западноевропейских стран обычно являлись по сравнению с большинством сибирских казаков более умелыми и опытными воинами, но их преимущества как высоких профессионалов своего дела зачастую сводились на нет условиями сибирской службы⁴⁸.

Тема «Иноземцы в Сибири» в последние годы стала весьма востребованной, и всё чаще привлекает внимание исследователей, специализирующихся по самым разным проблемам сибиреведения, в том числе тех, кто ставит перед собой задачу изучить этнический состав сибирских служилых людей в целом. В посвящённой этому вопросу статье А.С. Зуева и А.А. Люцидарской вместе с тем устанавливается примерная численность представителей всех нерусских народов в составе служилого населения Сибири XVII в. и отмечается, что «роль полиэтнической когорты служилых “иноземцев” в русском движении “встречь солнцу” была намного выше их удельного веса». Объяснения этому вполне убедительны и перекликаются с выводами И.Р. Соколовского: «Бывалые воины, знавшие ратное дело и умевшие воевать, имевшие опыт общения с вольнолюбивым шляхетством и казачеством или со своевольными наёмниками,

⁴⁵ Резун Д.Я. Именной и биографический словарь «немцев» в Сибири XVII в. // *Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований*. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 67–77; *он же*. Именной биографический словарь служилых людей // *Таможенные книги сибирских городов XVII века*. Вып. 3. Новосибирск, 2000. С. 142–146; Вып. 5. Новосибирск, 2003. С. 184–194; Вып. 6. Новосибирск, 2004. С. 85–95 (в первом, втором и четвертом выпусках аналогичные списки составили ученики Д.Я. Резуна И.Р. Соколовский и З.В. Башкатова).

⁴⁶ Резун Д.Я. Люди на сибирском фронтире... С. 19–29; *он же*. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 49–62.

⁴⁷ См.: Раев Д.В., Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого острога в XVII в. // *Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.* Екатеринбург, 1993. С. 37–45; *они же*. О посылке иноземцев в Сибирь в 1635 г. // *Сибирский плавильный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века*. Новосибирск, 2004. С. 13–21.

⁴⁸ Соколовский И.Р. Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000; *он же*. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004. С. 109–118.

в своём большинстве грамотные и нередко образованные, они умели находить общий язык и с воеводской администрацией, и со служилым “войском”»⁴⁹.

Сибиреведами в последние годы специально изучаются и другие этнические группы, входившие в XVII в. в состав служилого сословия России. И.Н. Гемуев и А.А. Люцидарская на примере хантов и манси пытаются выяснить механизмы проникновения аборигенного населения Сибири в ряды служилых людей⁵⁰. З.А. Тычинских и некоторые другие исследователи успешно продолжают, поднимая на качественно новый уровень, начатое ещё С.В. Бахрушиным изучение истории сибирских служилых татар⁵¹.

Внимание современных исследователей по-прежнему привлекают и традиционно русские категории сибирского служилого населения, и отдельные сибирские гарнизоны, и их региональные группы. Работы по этим сюжетам разноплановы и не равнозначны по вкладу в изучение затрагиваемых проблем: одни авторы лишь обобщают уже введённый в научный оборот материал, другие используют ранее неизвестные источники и тем самым существенно углубляют наши представления о военной истории Сибири. Неравномерно охвачена этими исследованиями и сибирская территория. Более всего в этом отношении в последнее время повезло Сургуту, что, видимо, обусловлено тем толчком к изучению его истории, который дали юбилейные мероприятия 1994 г., посвящённые 400-летию города и обострившие интерес к жизни его казачьего населения⁵². В 2000-х гг. отдельные аспекты деятельности служилых людей сургутского гарнизона конца XVI–XVII в. нашли отражение в работах Я.Г. Солодкина и А.Т. Шашкова⁵³. В капитальном исследовании А.Е. Ульяновой рассматривается практически весь комплекс вопросов, относящихся к истории сургутского казачества того времени – от формирования, структуры, государственного обеспечения и служебных обязанностей до бытового уклада и основ духовной культуры⁵⁴. В последнее время в исторических исследованиях неплохо представлен и гарнизон Кузнецка. Появляются небольшие работы (своего рода «исторические миниатюры») по различным аспектам истории тобольского, туринского и других гарнизонов Западной Сибири⁵⁵. Очевидно,

⁴⁹ Зуев А.С., Люцидарская А.А. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI–XVIII веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 9. 2010. Вып. 1: История. С. 52–69.

⁵⁰ Гемуев И.Н., Люцидарская А.А. Служилые угры. Один из аспектов русско-угорских отношений (URL: http://zaimka.ru/to_sun/ugra.shtml).

⁵¹ Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007; Кауфман А.О. Группа служилых татар в составе кузнецкого гарнизона (вторая половина XVII – первая четверть XVIII в. (URL: <http://admknz.info/document.do?id=93297>).

⁵² См.: Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994; Сургут, Сибирь, Россия. Международная научно-практическая конференция. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 1995.

⁵³ Солодкин Я.Г. Основатели Сургута // Югра. 2001. № 1; он же. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002; он же. Сургутяне – строители первых сибирских городов и острогов // Югра. 2004. № 10; Шашков А.Т. Сургутские казаки в Забайкалье и на Амуре в 50–60 гг. XVII в. // Сургут в отечественной истории: Сборник тезисов и докладов исторических чтений. Сургут, 2005.

⁵⁴ Ульянова А.Е. Сургутское казачество в конце XVI–XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006.

⁵⁵ См.: Лизогуб П.П. О начале формирования кузнецкого гарнизона // Кузнецкая старина. Вып. 6. Новокузнецк, 2004. С. 113–118; Огуцов А.Ю. Кузнецкий гарнизон // Кузнецкая крепость. № 1. Новокузнецк, 2004. С. 11; Кауфман А.Ю. Некоторые аспекты процесса формирования кузнецкого гарнизона в XVII – начале XVIII в. (URL: <http://www.admknz.ru/document.do?id=93292>); Скульковский Д.О. К истории формирования тобольского гарнизона на рубеже

это заявка на написание новых серьёзных исследований по «военно-служилой» проблематике.

Почти в каждой работе по истории отдельных сибирских гарнизонов содержатся сведения, касающиеся порядка управления служилыми людьми. Ещё больше таких сведений, естественно, в исследованиях, посвящённых системе воеводского и местного управления в Сибири XVII в. в целом. Первой из работ такого рода следует назвать монографию Е.В. Вершинина, в которой, вопреки устоявшемуся в нашей историографии представлению о сибирских воеводах как редкостных злодеях, даются в основном положительные оценки их деятельности и обосновывается вывод, что «воеводы XVII в. были той живой нитью, которая крепко привязывала огромный край к телеге российской государственности»⁵⁶. Е.А. Тимохин исследует систему управления сибирскими гарнизонами в несколько необычном ракурсе – через призму правового сознания и правового поведения человека XVII в., что даёт возможность не только составить представление о взаимоотношениях представителей воеводской администрации с личным составом сибирских гарнизонов, но и приблизиться к пониманию мировоззрения служилого населения Сибири XVII в.⁵⁷

Работы, так или иначе связанные с изучением менталитета казачества Сибири, теперь выходят довольно часто, находясь в русле одного из наиболее популярных ныне направлений отечественной историографии. Сибиреведы выходят на эту проблематику, касаясь самых различных аспектов изучения военной истории, но в последнее время всё чаще посвящают вопросам менталитета служилых людей и специальные работы. Особое место среди них занимает исследование С.В. Путилина. Основанное на изучении летописей и делопроизводственной документации, выполненное с использованием компьютерных технологий, оно является не простым для восприятия, но весьма интересным и полезным, ибо заполняет серьёзную лауну в наших знаниях о мировоззрении и психологии казачества Сибири XVII в. Путилин констатирует наличие специфического самосознания и мировоззрения у сибирских служилых уже с конца XVI в., даёт характеристику их представлениям о религии и окружающем мире, о принципах социальной организации, а также рассматривает в контексте развития мировоззрения особенности взаимоотношений служилых людей с аборигенным населением⁵⁸.

XVI–XVII веков // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. Вып. 18: История. С. 156–160; *он же*. К первоначальной истории формирования туринаского гарнизона // IV Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2009. С. 91; *Внукова О.В.* О численности служилого населения в Западной Сибири в конце XVI – начале XVII в. // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Нижневартовск, 2013. С. 30–33.

⁵⁶ *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 146–147.

⁵⁷ *Тимохин Е.А.* Отписки сибирских воевод как исторический источник по реконструкции правовых представлений // II Емельяновские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2007. С. 58–59; *он же*. Награды за службу глазами тюменских воевод первой половины XVII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 22: История. С. 21–29; *он же*. Правовое поведение русского служилого населения Западной Сибири (первая половина XVII в.): Тенденции развития и трактовка по данным законодательства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 7. Ч. 3. 2012. С. 196–200.

⁵⁸ *Путилин С.В.* Служилое население Западной Сибири в конце XVI – начале XVIII в.: Историко-мировоззренческий аспект. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.

Менталитет служилых людей исследуется в современном сибиреведении, понимается, не только в контексте их взаимоотношений с коренными жителями. Внимание историков привлекают и отношения сибирских казаков с торговыми и промышленными людьми⁵⁹, и жизнеописания служилых людей сибирских гарнизонов⁶⁰. Весьма любопытна небольшая статья Н.А. Березикова и А.А. Люцидарской о знамёнах сибирских землепроходцев⁶¹: она однозначно и убедительно свидетельствует, что сибирский материал не подтверждает мнение некоторых современных историков о чисто «функциональном» (утилитарном) значении казачьих знамён в XVII в., воспринимаемых лишь как элемент управления войсками во время боя⁶². В Сибири, как показывают Березиков и Люцидарская, знамёна для казаков имели преимущественно сакральное значение.

Широкий круг вопросов, относящихся к проблемам менталитета сибиряков, подняла Л.В. Дмитриева при исследовании антропологии Тобольска конца XVI–XVIII в. Поставив своей задачей реконструкцию социокультурного облика сибирского поселенца, стоявшего у истоков местной городской культуры, Дмитриева в качестве объекта исследования выбрала служилых людей, правомерно исходя из того, что они «явились основной градообразующей массой населения Тобольска, как и прочих первых городов за Уралом». Л.В. Дмитриева назвала казачество «озоновым слоем российской цивилизации», но, обратившись зачем-то к истокам этого феномена, к сожалению, продемонстрировала полную некомпетентность в этом вопросе. Осудив «доминирующую в советской историографии официальную теорию, согласно которой предками казачества являлись вольнолюбивые русские люди», она поддержала широко распространённые ныне псевдонаучные, мифологизированные «теории», выводящие казачество из арийской конницы, былинных богатырей Древней Руси и т.п.⁶³

Игнорирование серьёзных, профессионально выполненных работ по ранней истории казачества и доверие к сочинениям политически ангажированных дилетантов почему-то вообще присуще культурологам, обращающимся к казачьей проблематике. Так, Е.М. Бородин в кандидатской диссертации, посвящённой изучению традиционной культуры казачества Западной Сибири, без колебаний присоединяется к мнению авторов тех легковесных работ, которые выводят предков казаков из хазар, печенегов, половцев и вслед за известным московским культурологом И.Г. Яковенко призывает «отбросить расхожую версию, согласно которой казачество будто бы создали выходцы из русских княжеств»⁶⁴. Непонятно, зачем для разработки обозначенной в названии диссертации темы автору было нужно обращаться к столь далёкой от неё, крайне запутанной и политизированной проблеме происхождения казачества, но то,

⁵⁹ Чертков А.С. Отношения служилых с торговыми и промышленными людьми (вторая половина XVII в.) // Исторические науки. 2007. № 2. С. 24–25.

⁶⁰ Березиков Н.А., Люцидарская А.А. Человек и социум: жизнеописания служилых людей сибирских гарнизонов XVII – начала XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2010. № 4. С. 39–45.

⁶¹ Березиков Н.А., Люцидарская А.А. Знамёна сибирских казаков-землепроходцев // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 14–16.

⁶² См.: Малов А.В. Казачьи знамёна на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. // Старый пейзаж. № 50 (6/2012). С. 4–9.

⁶³ Дмитриева Л.В. Культурная антропология Сибири и Тобольска конца XVI – начала XVIII века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Т. 5. 2005. № 10: Общественные и гуманитарные науки. С. 299–309.

⁶⁴ Бородин Е.М. Особенности традиционной культуры казачества Западной Сибири. Дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2004. С. 32–38.

что Е.М. Бородина опиралась при этом на сочинения давно раскритикованных профессиональными историками дилетантов (таких, как донской «автономист» Е.П. Савельев, историк-любитель из числа эмигрантов А.А. Гордеев, или священники А.М. и В.М. Гнеденко), сильно портит впечатление о её работе, несомненно, отнюдь не бесполезной для изучения менталитета служилого населения Западной Сибири XVII в., как и аналогичное исследование, выполненное А.И. Коваленко на материалах Восточной Сибири⁶⁵.

Вооружение служилых людей Сибири, стратегия, тактика и характер боевых действий русских войск за Уралом – эти вопросы, как правило, обходились в нашей историографии стороной до конца 1980-х гг., а в последние два десятилетия и они стали пользоваться повышенным вниманием исследователей, отражая явно обозначившийся интерес сибиреведов к военной стороне колониционных процессов.

Военно-технические аспекты русской колонизации Сибири конца XVI – XVII в. находят отражение в последних работах признанного специалиста по истории военного дела южно-сибирских кочевников, археолога Ю.С. Худякова. Через сопоставление военных потенциалов противоборствующих сторон и изучение взаимовлияния и взаимодействия в военной области русских с тюрко- и монголоязычными народами он вышел на военную проблематику, затрагивающую вопросы как частного (например, применение артиллерии), так и общего порядка, касающихся обороны южных рубежей Сибири в целом⁶⁶. Его коллега О.А. Митько, также занимавшийся изучением военного дела народов Сибири, опубликовал в 2004 г. большую статью, в которой сопоставил различные элементы воинской культуры русских первопроходцев и коренных народов Северной Азии XVI–XVIII вв.⁶⁷ Он представил как общий обзор, так и детальный анализ исторических сведений из опубликованных источников и литературы, а также материалов музейных фондов, непосредственно относящихся к военной истории средневековой Сибири, им описывается, оценивается и сравнивается вооружение противоборствующих сторон, их тактические приёмы, физические данные и особенности менталитета воинов.

Участие служилых людей в «объясачивании» и одновременно в защите от нападений извне аборигенов Восточной Сибири последовательно и под раз-

⁶⁵ Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин России (XVII – начало XX в.). Благовещенск, 2008.

⁶⁶ См.: Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 6. 2007. Вып. 3: Археология и этнография. С. 238–254; *он же*. Этнокультурные контакты и взаимодействия русских с тюркскими народами Западной Сибири в военном деле // Тюркологический сборник. 2009. № 1. С. 396–409; Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимовлияние русских казаков и тюркских народов Саяно-Алтая в военной области в эпоху позднего средневековья и Новое время // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Т. 15. Новосибирск, 2009; Худяков Ю.С. Холодное оружие и защитный доспех в комплексе вооружения русских воинов в Сибири в XVI–XVII вв. (по изобразительным источникам) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 10. 2011. Вып. 3: Археология и этнография. С. 210–218; *он же*. Оборона южных рубежей Западной Сибири русскими воинами в конце XVI – первой трети XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 3–7.

⁶⁷ Митько О.А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004. С. 165–205.

личными углами зрения освещается в серии статей А.А. Бродникова⁶⁸. Им же был опубликован любопытный материал о проблемах с обеспечением сибирских служилых людей огнестрельным оружием в XVII в.⁶⁹, а также специально изучался вопрос об их защитном вооружении⁷⁰. При этом Бродников высказал мнение о «поголовном использовании» ими доспехов «на протяжении всего XVII в.», что следует, конечно, признать излишне категоричным, ибо хорошо известны сетования сибирских служилых на нехватку доспехов и объяснения ею серьёзных потерь в боях с хорошо защищённым противником⁷¹. Излишне категоричны и некоторые другие утверждения автора статьи, например, о том, что до него «проблема вооружения... оставалась за рамками интересов исследователей»: она, конечно же, освещалась историками и раньше, хотя и недостаточно подробно⁷².

Более широко проблему вооружения русских войск за Уралом (но на материалах главным образом Кузнецкого уезда) рассматривает А.Ю. Огурцов, вновь подчёркивающий собственное видение ряда вопросов сибирской истории XVII в. Он, например, в отличие от А.А. Бродникова, считает, что «отнюдь не всегда казаки имели доспехи», призывает отбросить «легенды о лёгкости покорения Сибири... из-за их несостоятельности», приводит ещё немало абсолютно верных суждений, далеко не всегда, правда, новых и оригинальных⁷³.

Большой вклад в изучение военной истории Восточной Сибири внёс А.С. Зуев. Исходя из того, что «военное дело русских в Сибири в период её присоединения к России представляет в историографии фактически “белое пятно”» (что является некоторым преувеличением), он с начала 2000-х гг. энергично взялся за «стирание» этого «пятна» применительно к северо-востоку Азии, стремясь прежде всего выяснить причины побед русских в сражениях с аборигенами и привлекая к своему исследованию обширный материал как из опубликованных источников и литературы, так и из различных архивных фондов. По мнению Зуева (с которым нельзя не согласиться), игнорирование этой проблематики «выглядит достаточно странно, если учитывать значение данного фактора для понимания характера самого присоединения, особенно на фоне огромного количества работ, посвящённых военному делу коренных народов Сибири»⁷⁴. В серии работ (наиболее крупной и значимой из которых

⁶⁸ Бродников А.А. Алданские события 1639 г. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 46–51; *он же*. Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999; *он же*. Присоединение правобережья Среднего Енисея к Русскому государству // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 3–9.

⁶⁹ Бродников А.А. Ручное огнестрельное оружие служилых людей Кузнецкого острога в первой половине XVII в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 2. Барнаул, 2003. С. 90–93.

⁷⁰ Бродников А.А. О защитном вооружении служилых людей Сибири в XVII веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 6. 2007. Вып. 1: История. С. 10–15.

⁷¹ См.: Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 47.

⁷² См.: История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 64–65, 80–81.

⁷³ Огурцов А.Ю. Оружие (URL: <http://admknz.info/document.do?id=93291>).

⁷⁴ Зуев А.С. Русская тактика осады и взятия «иноземческих» острожков (Из истории Северо-Востока Сибири XVII–XVIII вв.) // «Мы были!» Генерал фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. Материалы конференции. Ч. 1. СПб., 2004. С. 60.

является монография о присоединении Чукотки⁷⁵) А.С. Зуев осветил широкий круг слабо изученных вопросов. В их числе – военно-политическая ситуация на северо-востоке Сибири на различных этапах её присоединения к России, военный потенциал русских и аборигенов (чукчей, эскимосов, коряков, юкагиров, ительменов), тактико-технические показатели их вооружения, масштаб и характер боевых действий между ними, типовая классификация сражений (полевые, осадно-оборонительные, морские и т.д.), военная организация противоборствующих сторон, тактика ведения ими боевых действий. Кроме того, Зуев выясняет соотношение побед, поражений и потерь в вооружённых столкновениях на северо-востоке Азии в XVII–XVIII вв., анализирует их причины и рассматривает стереотипы военного менталитета, сказывавшиеся в том числе и на поведении сторон в бою.

Е.А. Багрин весьма успешно разрабатывает аналогичный круг вопросов на примере других восточносибирских регионов (порой, впрочем, распространяя свои выводы на всю Сибирь)⁷⁶. На основе опубликованных и архивных материалов делопроизводственного характера, с привлечением нарративных и изобразительных источников, а также музейных коллекций, им всесторонне рассмотрена история и тактика присоединения прибайкальских, забайкальских и приамурских земель к России в XVII в., классификация, особенности и эволюция вооружения служилых людей в разных регионах в различные периоды. Багрин, в частности, выявляет несколько «комплексов» этого вооружения («якутский», «приамурский», «прибайкальский», «забайкальский»), складывающихся под воздействием различных внешних и внутренних факторов. Вопреки господствующему в литературе мнению, он доказывает широкое распространение у сибирских служилых людей в XVII в. пищалей не с фитильными, а с кремневыми замками. Касаясь же общих вопросов истории присоединения Сибири к России, Багрин закономерно отводит ведущую роль в этом процессе государству, а приоритет – служилым людям, характеризуя их как «военное сословие России, сумевшее расширить границы государства без создания глобальных конфликтов и тотального уничтожения аборигенного населения»⁷⁷.

Комплексные исследования военных факторов колонизации получили в последнее время отражение и применительно к территории Западной Сибири, прежде всего в трудах А.В. Дмитриева и В.Д. Пузанова. Будучи написанными на базе большого количества документальных (в том числе архивных) материалов и обширной литературы, они позволили во многом ликвидировать те пробелы в военной истории Западно-Сибирского региона, которые наличествовали в нашей историографии к началу 2000-х гг. Кроме того, благодаря широкому использованию исследований по общим проблемам военной истории (включая работы по истории как Европейской России, так и зарубежных стран) в ходе развёрнутых сопоставлений содержащегося в них конкретно-исторического материала, Дмитриев и Пузанов смогли выйти далеко за пределы обозначенных ими территориальных и хронологических рамок и сделать ценные наблюдения

⁷⁵ Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск, 2009.

⁷⁶ Багрин Е.А. История присоединения Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья к России в 40–90-е гг. XVII в. (По материалам вооружения и тактики русских служилых людей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012.

⁷⁷ Там же. С. 1, 20.

и глубоко продуманные (хоть и не всегда бесспорные) выводы. Заслугой этих историков в первую очередь стало тематическое завершение изучения военно-служилого населения Сибири XVII в. Если до них объектом специальных исследований сибиреведов являлись в основном «традиционные» для Московского государства категории служилых людей – городовые казаки, стрельцы, пушкар и затынщики, дети боярские и дворяне, – то А.В. Дмитриев целиком посвятил свою кандидатскую диссертацию (а затем и монографию) сибирским войскам «нового строя» (солдатским, рейтарским и драгунским), формировавшимся в Сибири в 1660–1670-х гг.⁷⁸, а В.Д. Пузанов практически одновременно с ним разрабатывал историю этих войск в ряде статей и результаты этого исследования обобщил в одной из глав своей монографии (защищённой в качестве докторской диссертации) о военных факторах русской колонизации региона⁷⁹. Дополняя, поправляя, а во многом и дублируя друг друга, сочетая конкретные наблюдения с широкими обобщениями, Дмитриев и Пузанов смогли детально рассмотреть процесс комплектования, реорганизации и эволюции сибирских войск «нового строя», выяснили численность, состав, социальное происхождение, функции, структуру, государственное обеспечение, вооружение, уровень боевой подготовки и дисциплины в солдатских, рейтарских и драгунских полках Сибири XVII в. При этом был выявлен ряд дискуссионных вопросов, часть которых, касающаяся главным образом целесообразности создания за Уралом войск «нового строя», уже была проанализирована мною в специальных статьях⁸⁰.

В исследовании В.Д. Пузанова нашли отражение и многие другие вопросы сибирской военной истории. Ему удалось впервые в историографии дать комплексный анализ военных факторов в политике Москвы на территории Западной Сибири XVII в. «Русская колонизация Сибири на протяжении конца XVI – начала XVIII в. имела военный характер, – пишет Пузанов. – Отношения Русского государства с кочевыми этносами и военные факторы политики России в Сибири определили развитие процессов русской колонизации, территории русского расселения, последующие административные преобразования»⁸¹. Отталкиваясь от этой посылки, он рисует широкую панораму векового противоборства русских переселенцев с воинственными кочевниками Южной Сибири и Центральной Азии, объясняя ожесточённость и длительность этой борьбы стремлением обеих сторон закрепиться на наиболее плодородных и важных в стратегическом отношении районах. Благодаря этой работе теперь можно составить достаточно цельную картину борьбы русского народа за саму возможность осваивать наиболее благоприятные для хозяйственного развития районы Сибири. Пузанов обоснованно полагает, что без активного участия государственных структур Русская Сибирь вообще бы не состоялась, что народная, вольная колонизация Сибири в XVII в. развивалась только при поддержке государства, строившего города и остроги и органи-

⁷⁸ Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004.

⁷⁹ Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). СПб., 2010.

⁸⁰ Никитин Н.И. Военные реформы в Сибири XVII века: полный провал или относительный успех? // Российская история. 2011. № 1. С. 121–128; он же. Военные реформы в Сибири XVII–XVIII вв. Спорные вопросы // Военно-исторический журнал. 2013. № 6. С. 74–79.

⁸¹ Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 4.

зовывавшего их оборону. А опираясь на выводы монографии Е.В. Вершинина, он приходит к заключению, что «в лучшем случае вольная колонизация могла бы привести к образованию нескольких русских поселений на севере Сибири, имеющих торговое и промысловое значение. Южные и центральные части Западной Сибири остались бы в этом случае совершенно без русского влияния»⁸².

Настоящий обзор, конечно же, далеко не полон, но полагаю, что и он однозначно свидетельствует о коренных изменениях и серьёзных успехах в изучении военных факторов колонизации Сибири. От игнорирования, явного преуменьшения и негативных оценок вклада казачества в освоение Сибири, свойственных литературе 1950-х гг., через «нейтральное» отношение к нему в 1960-х гг. и признание в 1970–1980-х гг. его роли в колонизации Сибири «заметной» и «существенной», в нашей историографии прочно утвердилось мнение о военно-служилых людях как главной социально-политической силе, обеспечившей присоединение к Российскому государству Северной Азии и её освоение в XVII в. Не будет большим преувеличением сказать, что ныне служилому населению Сибири историки стали уделять такое же внимание, какое уделяли крестьянству в 1950–1960-х гг., а военная история теперь изучается сибироведами столь же интенсивно, как в 1950–1960-х гг. ими изучалась история аграрная.

К настоящему времени в целом определены численность, состав, пути и способы формирования, социальная организация и государственное обеспечение сибирских гарнизонов, практика управления ими. Показаны хозяйственные занятия служилого населения Сибири и их значение для освоения края. Обозначены главные театры и ход военных действий за Уралом в конце XVI – начале XVIII в. Наиболее успешно в последние годы изучаются освещавшиеся ранее пунктирно вопросы о вооружении сибирского казачества, особенностях стратегии и тактики противоборствующих сторон, характере и результатах их противостояния на различных этапах освоения Сибири в основных её регионах. Всё большее внимание уделяется изучению менталитета казачества Сибири и исторической антропологии в целом: похоже, что именно эти сюжеты станут приоритетными у сибиреведов при дальнейшем исследовании военных факторов русской колонизации Северной Азии. Следует также ожидать новых работ по тем регионам, которые пока обойдены вниманием исследователей военной истории Сибири.

Вместе с тем нельзя не отметить, что всестороннее и глубокое изучение данной тематики выявило много вопросов, освещаемых и трактуемых историками по-разному. И это в общем вполне нормальное, даже закономерное явление: «чем длиннее радиус исследованного, тем больше величина окружности неизведанного». Но дискуссионные вопросы сибирской военной истории – это предмет отдельного рассмотрения и специального исследования.

⁸² Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). С. 382.